

Kalita, Inna

Феноменология архетипичного

Новая русистика. 2012, vol. 5, iss. 2, pp. [37]-47

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/125514>

Access Date: 03. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Инна КАЛИТА
(Усти над Лабой)

Феноменология архетипичного

Phenomenology of the Archetypes

The article presents the analysis of various type making relationships of archetypes in the 20th century literature, it also deals with the specifics of writer's interpretation and mental transformation of an archetype in the context of diachrony versus synchrony. The author of the article tries to determine contactological process of archetypes development, including their functions as information channels and as the basis for hypertext creation. Metaphor interpretations in a national context serve as the basis for archetype identification, metaphorical coding and decoding in the context of cultural synchrony and diachrony helps to create precedent phenomena, besides, it helps to create numerous hypertexts, which connect the past and the present of one culture as well as close and distant cultures.

Key Words: archetyp; diachrony; synchrony; transformation; stereotypes; interpretations

В данной статье рассмотрим общие вопросы трансформации архетипичных явлений, обратим внимание на связь архетипов с интерпретациями понятия «советский» в различных культурно-исторических контекстах.

Архетип. К вопросу дефиниции

*Довольно скоро я увидел, что
аналитическая психология замечательным
образом напоминает алхимию.
Опыты алхимиков были, в некотором смысле,
моими опытами, и мир их – моим миром.*

К. Г. Юнг

Архетип (от греч. *arche* – начало и *typos* – образ) – первичный образ или прообраз. Архетип – один из самых многозначных научных терминов. Существование большого количества определений архетипа связано прежде всего с тем, что архетипы одновременно являются предметом рассмотрения нескольких дисциплин (аналитическая психология, лингвистика, в частности семиотика, литературоведение и др.), а также с тем, что соотносятся с областью бессознательного, тяжело поддающейся конкретному описанию.

Архетип по своей природе является символом, глубинный смысл которого связан с древней культурой, с архаичным мышлением. В более широком понимании архетип – культурный ген, наследуемый бессознательно. Он соотносится с субъективацией культурных символов, «озвученных» в этнически ориентированных Текстах (письменных текстах, памятниках истории и архитектуры, предметах искусства, в наше время – рекламе).

Национальная субъективация символов выявляет трехмерную природу архетипа, в его структуре обнаруживается: (1) суть, первооснова (объединяющий элемент всех мировых культур), (2) дополнительный коннотат (оболочка), «национальное наслоение», (3) синхронно-диахронная связь, обеспечивающая перенос архетипичных символов из глубокой древности в будущее (культурный канал). Архетипы – это мировой культурный капитал, накопленный человечеством на протяжении всей истории его развития.

Термин *архетип* имеет древние корни, К. Г. Юнг – один из самых известных теоретиков природы архетипа, говорит о его использовании философами древности (Филон Иудей, Ириней, Дионисий Ареопагит). Отметим, что сам Юнг, посвятивший всю свою сознательную жизнь исследованию архетипа, в своих взглядах на его сущность прошел несколько этапов. Посвятив некоторое время изучению мифологии и алхимии, Юнг пришел к мысли, что без истории нет психологии, и, что немаловажно – нет психологии бессознательного. Началом настоящей научной работы он считал ассоциативные эксперименты, начатые им в 1903 году. Юнг исследовал сны как специфическое выражение бессознательного, искал пути, связывающие в мозгу сознательное и бессознательное. В 1912 году он издал книгу «Метаморфозы и символы либидо», определившую его разрыв с Фрейдом. С 1913 г.

Феноменология архетипичного

обратился к изучению собственного подсознания и начал работать над определением психологических типов, следующий период был связан с разработкой взаимоотношений психологии и религии, результатом исследований стала книга «Психология и религия» (1940).

В целом рассматриваемую область Юнг называл темной сферой, заключающей ответы на загадки, *к решению которых психология сознания даже не приближалась*. Он отмечал, что не претендует на окончательные формулировки ответов на поставленные вопросы, а свою работу считает «первоначальной попыткой нащупать ответ» (Юнг, I).

К. Юнг считал архетип проявлением коллективного бессознательного, верхним слоем которого является личное бессознательное. Коллективное бессознательное, по его мнению, у всех людей идентично и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным, а архетип является содержанием коллективного бессознательного.

В архетипе встречаемся всегда с пограничным состоянием. Аналогии архетипов: преломление света, би-(поли-)лингвальные ситуации, когда переходное явление регистрируется, но тяжело для точной дефиниции и объяснения, т.е. когда *явление/предмет/человек/язык* находится в отношениях *двойственного союза – находясь одновременно по разные стороны бытия и небытия*. Пограничье в культуре имеет множество образов: *маска, тень, клоун, шут, зеркало, звездочёт, монах*.

Пограничные концепты всегда связаны с двумя (более) мирами, находятся на их границе и служат своеобразными проводниками, антиципирующими опыт обеих сторон. Пограничье можно характеризовать как одну из точек гипертекста, в которой направление реализуемой связи обусловит конкретный реципиент, т.к. восприятие социально и ментально обусловлено. В мифологии это прежде всего *порог, петух*.

Истоки архетипичного. Аналогии и состояния

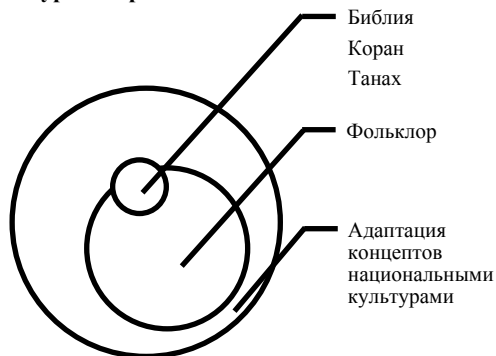
Примарным истоком архетипов является национальная мифология.

Отмечая культурную и вероисповедальную многомерность мира, секундарным источником архетипов следует назвать религию и ее текстологическое воплощение: Библию для христианской традиции, Коран для исламской, Танах для евреев, Дао цзан для даосизма, Ригведу для индуизма, У Цзин для конфуцианства.

Библия для христианской традиции стала источником образов, прочно вошедших в мировую культуру. По мнению М. Шалева: *«израильская литература вышла из Танаха, из свитков священных книг. Несмотря на то*

что это так далеко от нас по времени, мы используем те же сюжеты, те же аллюзии» (Шалев 2007: 1).

Источники культурных архетипов

Каждая культура имеет собственный путь развития, в каждой литературе архетипы из названных источников играют свою роль и занимают свое место. Вечные образы и темы каждая культура ментально эстетизирует, подвергая их национальной лингвализации, в новых условиях создаёт новые *актуализированные* образы.

Архетип (литературный, архитектурный, астрологический, рекламный, в современных условиях – архетип менеджмента), пройдя процесс субъективации, пере/осмысления через национальную призму может перейти в культурный артефакт. Субъективация всегда неразрывно связана с языковой адаптацией.

М. Благо называет язык кривым зеркалом реальности, ибо язык можно рассматривать как зеркало реального и культурно-понятийного мира (т.е. мира культурно-обусловленных понятий), ибо именно оно отражает и тот и другой. М. Благо употребляет дефиницию кривого зеркала по отношению к языку, т.к. язык не отражает объективно индифферентный образ мира, но субъективный, свойственный данному народу, профильтрованный через его мышление, душу и культуру, поэтому, по мнению Благо, правильнее было бы назвать язык *не кривым*, а *созидательным* или даже *волшебным зеркалом* (Blago 2009: 303).

Типология архетипов

Архетипы, в соответствии с историей их развития и применимостью в качестве готовых шаблонов, можно разделить на универсальные и локальные.

Феноменология архетипичного

К универсальным можно отнести основные концепты, с которыми работает человечество на протяжении всей истории своего существования: *добро и зло, свой – чужой, мужчина и женщина, родители и дети, жизнь и смерть, смысл бытия, место человека в мире, долг, правда, любовь, предательство*. Это архетипичные понятия, известные всем культурам, многие из них стали иконичными, и воспринимаются как структурные (бинарные) оппозиции. Можно утверждать, что архетипы – давно присутствующие в культурах *лингво-психологические явления*, развитие которых неразрывно связано с апперцепцией общеизвестного реципиентами, владеющими разными языками и являющимися носителями различных ментальных матриц. Возникновение новых архетипов и их нестандартных типов может быть вызвано специфическими историческими условиями. К нестандартным архетипам можно отнести локальные, для объяснения которых также можно исходить из теории Юнга.

Локальные архетипы

Локальный архетип – архетип, действие которого ограничено рамками времени и/или пространства. В конце XX века начинается исследование нового локального архетипа «Homo Sovieticus». Хотя он объединяет значительную по численности народонаселения территорию, от универсальных архетипов отличается своей *необщезначимостью* в мировом контексте. Кроме того, локальный архетип – понятие, которое со временем уйдет с культурной сцены.

«Homo Sovieticus» характеризуется «модификацией» (советизацией) психологических черт, соотносящихся с самоопределением себя и своего места в мире, системой ценностей и отношений. Основные характеристики «Homo Sovieticus» – раздвоение сознания (прежде всего национального), двойные ценностные стандарты частного и общественного. Опираясь на категорию Юнга – *персона*, как сложную систему отношений между индивидуальным сознанием и социальностью, тип «Homo Sovieticus» можем определять как *«удобный вид маски, рассчитанной на то, чтобы, с одной стороны, производить на других определенное впечатление, а с другой – скрывать истинную природу индивидуума. Что последнее излишне, может утверждать лишь тот, кто до того идентичен своей персоне, что уже не знает самого себя, а что не нужно первое, может вообразить лишь тот, кто и понятия не имеет об истинной природе своего ближнего. Социум ожидает и даже обязан ожидать от каждого индивидуума, что тот как можно лучше будет играть отведенную ему роль; что тот, например, кто является священником, будет не только объективно выполнять свои долж-*

ностные обязанности, но и в любое время и при любых обстоятельствах будет беспрекословно играть роль священника» (Юнг, I).

Возникновение данного *локального архетипа* было связано с новой политической идеологией и отказом от религии. По Юнгу – в коллективной жизни трансформации бессознательного проявляют себя в различных религиозных системах и в изменении их символики (Юнг 1994).

Именно стирание религиозных дифферентов национальностей СССР и навязывание атеизма в качестве «единой религии», который, как явление безыдейное был замещен идеями социализма-коммунизма, заменившими религиозное сознание и сплотившими на определенное время народы совершенно разных культур стало основой для трансформации ценностных категорий населения СССР.

В данной связи именно «определенное время» является показателем нестандартности архетипа «Homo Sovieticus», его привязанности не только к локалу, но и к диахронии, т.е. указывает на его временный характер.

Существование «Homo Sovieticus» не могло не оставить следов, оно запечатлено каждой культурой/литературой, в настоящем посредством активной переоценки советского наследия происходит восстановление национального сознания постсоветских народов, связанных многими общесоветскими идеалами и константами. Однако следующие поколения, не будут владеть «собственным опытом» советской жизни, будут воспринимать его лишь по рассказам старшего поколения и из литературы, они будут избавлены от стереотипного восприятия литературы советского периода как литерату, ничего не внесшей в национальный капитал. Именно благодаря советской составляющей многие так оценивают литературу советского периода.

Заметки о специфике советской литературы

Распад огромной империи – СССР можно характеризовать как «разлом» советской метафорики. Новые политико-культурные отношения, насчитывающие уже 20-летнюю историю, предлагают варианты новой, национально обусловленной метафоричности, вкрапление национальных ассоциативных связей, ценностных категорий и символов-доминант. Постсоветские литературы находятся в состоянии внутреннего переустройства: с одной стороны, поиск национальной идентичности – с распадом СССР отпала необходимость выполнять социальный заказ (тематический, идеологический и языковой), с другой стороны, национальные литературы постсоветского пространства все еще несут на себе отпечаток советскости. Значимость и качество советской литературы подвергается переоценке: *«остывающий труп, крупного-*

Феноменология архетипичного

ловый идеологический покойник» (Ерофеев 2003: 36); «когда сейчас думаешь о жизнестойкости, выносливости этой литературы, поражаешься удивительному сочетанию её реальности и фантомности. Она была реальна в силу своей бесноватой фантомности, фантомна – в силу своей неуклюжей реальности» (Ерофеев 2003: 37).

Можно согласиться с В. Ерофеевым в том, что к советской литературе относят про- и анти- советских писателей – всех, кто жил и писал в этот период в СССР.

«К лику собственных святых она готова была причислить почти все свои славные жертвы – от Андрея Белого до Пастернака, от Зоценко до Платонова» (Ерофеев 2003: 36).

При существовании большого спектра отношений к советской литературе и ее авторам, сегодня необходимо осознать, что советский период, как и любой другой, – реально прожитый в истории этап, принесший свои плоды, свое миропонимание, новшества, давший пищу для размышления не одному поколению и народу.

Особенностью русской литературы советского периода можно назвать то, что она составила альтернативу религиозному институту, который после революции 1917 года был официально отделен от государства и, что немало важно – от школы. Поэтому новые литературные герои, темы и направления закономерно заполнили образовавшуюся нишу. Замещение неравнозначных идейно-эстетических магистральных направлений привело к изменению в укладе жизни и кардинальной переоценке ценностей, а в целом после образования СССР – к тенденции создания элемента советской матрицы, прочно внедрившегося в сознание многих народов. Однако советская идеология – как сознание определенного времени, для многих исчерпала себя еще перед распадом СССР. *«Религия обещала рай на небе, социализм – рай на земле, но то и другое оказалось утопией» (Саватеев: 2004).*

Взгляд извне – однонаправленность или многовекторность? Нужно ли видеть в советской литературе только соцреализм?

Говоря о направлениях и авторах, соотносимых с советским периодом, можно согласиться с Мариэттой Чудаковой в том, что советская критика, а вслед за ней и читатель *«любое подвижничество и самоотверженность плотно слепили с утопической идеей большевизма» (Чудакова: I).* Понятия «советская литература» и «литература советского времени» для современного читателя звучат как синонимы, разница между ними абсолютно не воспринимается зарубежным читателем, у которого слово «советская» однозначно ассоциируется с чем-то негативным, идеологическим, недостойным внимания. К ставшей хрестоматийной фразе – русская литература вышла из гого-

левской «Шинели», можно добавить, что все постсоветские литературы вышли из литературы советской. Отделяя понятия литература и идеология, приведем отрывок из интервью с современным еврейским писателем Меиром Шалевым, который, говоря о влиянии В. Жаботинского, отметил:

«То, что у нас с Жаботинским политические разногласия, меня совершенно не беспокоит, это никак не мешает нашему литературному родству. Кстати, по этому поводу я могу привести талмудическую историю о рабби, который стал еретиком. Объясняя ситуацию, он сказал: “Это все равно что есть гранат. Я съедаю все хорошее и выплевываю все несъедобное”» (Шалев 2007: 1).

Об этом же Юнг писал, что «забывать» – нормально и необходимо, так в сознании освобождается место для новых впечатлений и идей. Если этого освобождения не будет, то переживаемое нами переполнит порог сознания. (Юнг 1991: 34).

Зерна и плевел

*Придя же, рабы домовладыки сказали ему: господин!
не доброе ли семя сеял ты на поле твоём? откуда же на нём плевелы?*

Он же сказал им: враг человека сделал это.

А рабы сказали ему: хочешь ли, мы пойдем, выберем их?

Но он сказал: нет, – чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в снопы, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою.

Евангелие от Матфея. Глава 13

Изучение литературных архетипов не должно вычеркивать из общей системы отдельные исторические эпохи, кажущиеся политизированными или устаревшими, важно научиться выбирать сущность, основу, оставив элементы гипертекста как переход от одного состояния к другому. Политизированные периоды также рассматривают ранее известные архетипы, присутствующие с незапамятных времен. Например, в начале советской эпохи Л. Андреев обратился к старейшим библейским образам, но его «Иуда Искариот» – совершенно новая трактовка известного образа.

К примеру «съедобного и несъедобного» в литературном плане можно отнести вышедший в 1932–1934 гг. роман Николая Островского «Как закалялась сталь», пользовавшийся огромной популярностью. Его главный герой Павел Корчагин стал символом советской эпохи. За три года книга выдержала пятьдесят два издания, только в 1936 году она была издана 36 раз. Роман был трижды экранизирован в советское время в СССР (1942, 1956,

Феноменология архетипичного

1975), фильм также вышел на экраны в США (март 1944 г., «Heroes Are Made, How the Steel Was Tempered») и Швеции («Ukraina i lågor»).

В постсоветскую эпоху роман получает новую жизнь, интерес к нему возникает в ином культурном пространстве – в 1999 г. китайскими кинематографистами на Украине был снят 20-серий совместный китайско-украинский фильм «Как закалялась сталь», который был признан в Китае лучшим телесериалом года. Джет Ли, китайский киноактёр, в интервью «Комсомольской правде» отозвался о книге Островского как о великой книге, воспитавшей из него человека (Чижиков: 2008).

Исполнитель главной роли В. Конкин, в созданном им образе Корчагина, считает главным не идеологию, а целомудрие, духовный стержень.

Выводы:

Приведенные нами элементы парадигм указывают на тенденцию развития архетипов под влиянием исторически изменяющихся условий (вероисповеданий, идеологий, ценностей), свидетельствуют о том, что архетипичны лишь вечные образы. Обрастая в каждой эпохе и культуре новыми коннотатами (лингвокультурологической составляющей), они остаются понятными носителю каждой культуры. Однако изучение локальных архетипов, как «Homo Sovieticus», ограниченных диахронными и/или локальными рамками, интересно и с точки зрения преломления в их свете вечных образов – универсальных архетипов, так и с точки зрения получения опыта, т.к. подобию локальных архетипов могут возникать в иное время в других культурах.

Использованная литература:

- АЙДУКОВИЧ, Й. 2008: О понятии «трансконцептуализация». In Cognitive Modeling in Linguistics – 2008, Proceedings of the X-th International Conference, Bechichi, Montenegro, Vol. 1, Kazan State University Press, 2008, с. 21–30.
- АНДРЕЕВ, Л. Рассказы, пьесы. 1904–1907. In Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 2.
- ВАШКЕВИЧ, Ю. «Homo Sovieticus» – фэномэн і архетып. Таталітарызм. Курс лекцыяў. In Беларускі Калегіум. [online]: [2011-06-26]. Доступно: <http://baj.by/belkalehium/index_bel.htm>.
- ЕРОФЕЕВ, В. 2003: Поминки по советской литературе. In Русская литература XX века в зеркале критики. Сост. С. Тимина, М. Черняк, Н. Кякшто. СПб.: М. Издательский центр «Академия» 2003, с. 36–43.

- ЗИНЧЕНКО, В. Г. – ЗУСМАН, В. Г., – КИРНОЗЕ, З. И. 2008: Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме. М. Флинта-Наука, 2008.
- ИВАНОВА, Н. 2003: Преодоление постмодернизма. In Русская литература XX века в зеркале критики. СПб.: М. Издательский центр «Академия» 2003, с. 94–112.
- ИВАНОВА, Н. 2003: ПОСЛЕ. Постсоветская литература в поисках новой идентичности. In Русская литература XX века в зеркале критики. СПб.: М. Издательский центр «Академия» 2003, с. 113–130.
- КАГАН, В. Письма о русской эмиграции. (Письмо четвертое). [online]: [2012-09-11]. Доступно: <<http://www.lebed.com/2000/art2236.htm>>.
- ЛОТМАН, Ю. М. – МИНЦ, З. Г. – МЕЛЕТИНСКИЙ, Е. М. 1980: «Литература и мифы». Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1., с. 220–226.
- НЕМЗЕР, А. 2003: Замечательное десятилетие. О русской прозе 90-х годов. In Русская литература XX века в зеркале критики. СПб.: СПбГУ. М. Издательский центр «Академия» 2003, с. 52–80.
- ПАРАМОНОВ, Б. Конец стиля. Постмодернизм. In Русская литература XX века в зеркале критики. СПб.: СПбГУ. М. Издательский центр «Академия» 2003, с. 81–93.
- РАПОПОРТ, А. 2007 Интервью: Меир Шалев: «Я вышел из гоголевской „Шинели“». In ЛЕХАИМ, декабрь 2007, КИСЛЕВ 5768 – 12(188), [online]: [2011-12-12]. Доступно: <<http://www.lechaim.ru/ARHIV/188/LKL.htm>>.
- САВАТЕЕВ, В. 2004: Между жизнью и житием. К 100-летию Н. Островского и 70-летию романа «Как закалялась сталь». НГ ЕХ LIBRIS, 30.09.2004.
- СЕРДЮЧЕНКО, В. 2003: «Как закалялась сталь» как роман о любви, № 353, 14 декабря 2003. [online]: [2011-03-12]. Доступно: <<http://www.lebed.com/2003/art3581.htm>>
- ЧУДАКОВА, М. Герой времени Павка Корчагин. Автор и ведущий: П. Вайль [online]: [2011-09-26]. Доступно: <<http://archive.svoboda.org/programs/cicles/hero/12.asp>>.
- ЭПШТЕЙН, М. 2005: Маленький человек в футляре: синдром Башмачкина-Беликова. In Вопросы литературы, 2005, № 6.
- ЮНГ, К. Г. 1951: К пониманию психологии архетипа младенца. Перевод С. Аверинцева, (Jung C. Zur Psychologie des Kind-Archetypus, 1951). [online]: [2012-03-14]. Доступно: <<http://www.jungland.ru/node/1776>>.
- ЮНГ, К.Г. 1991: Подход к бессознательному. [online]: [2012-03-16]. Доступно: <<http://www.jungland.ru/Library/PodhodBess.htm>>.
- ЮНГ, К. Г. 1991: Архетип и символ. СП, Ренессанс «ИВО-Сид», 1991.
- ЮНГ, К. Г. I. Отношения между я (эго) и бессознательным. [online]: [2012-09-11]. Доступно: <<http://jungland.ru/node/1493>>.

Феноменология архетипичного

ЮНГ, К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994.

BLAHO, M. 2009. Jazyk – (krve) zrkadlo reality. In Hľadanie ekvivalentnosti IV. Jazykovedný zborník 31. Prešov, Prešovská univerzita 2009, 729 s., s. 301–306. ISBN 978-80-555-0066-90

